А.Н. Батракова, аспирант кафедры истории русского языка и общего языкознания Московского государственного областного университета;
e-mail: alinych07@mail.ru

МАКСИМ СОКОЛОВ: “ПРОГУЛКИ ПО САДАМ РОССИЙСКОЙ СЛОВЕСНОСТИ”
(творчество журналиста-аналитика Максима Соколова в аспекте лингвистической персонологии)

Цель данной статьи заключается в анализе творчества известного журналиста-аналитика Максима Соколова через понятие “языковая личность” и определенные показатели в текстах. Лингвоперсонологический подход на материале его фельетонов и комментариев позволяет выявить новый параметр языковой личности — жанровую роль. Предполагается, что для Максима Соколова это роль иронического комментатора. Кроме того, в творчестве М. Соколова представлен целый ряд коммуникативных тактик и стратегий, которые заслуживают отдельного исследования.

Ключевые слова: *журналист-аналитик, языковая личность, лингвоперсонологический подход, жанровая роль, иронический комментатор.*

The aim of this article is to analyze creative works of Maxim Sokolov, a journalist-analyst, through the concept of “linguistic personality” and define performance of it in the text. Linguapersonified approach used in his satirical articles and commentaries allows to distinguish a new feature of linguistic personality — the role of genre. Maxim Sokolov is considered to be an ironical interpreter. Besides, M. Sokolov presents a number of communicative tactics and strategies, which should be analyzed in prospective lingual studies.

Key words: *journalist-analyst, linguistic personality, linguapersonified approach, the role of genre, ironical interpreter.*

Индивидуальное журналистское творчество можно изучать с помощью категорий и терминов различного уровня, таких, как идиостиль, авторская позиция, “речевой портрет”, “речевой паспорт” и др., в том числе “языковая личность” как человек в его способности к порождению и пониманию речи. Языковая личность сегодня становится объектом изучения комплекса интенсивно развивающихся направлений науки о языке. Категория “языковая личность” пронизывает границы между этнокультурной, психолингвистической, социо-, прагмалингвистической и другими дисциплинами и одновременно разрушает их. В термин “языковая личность” [Караулов, 1987] вложено представление о высоком уровне развития, и поэтому этот термин хорошо ложится на изучение творчества такого уникального журналиста-аналитика, как Максим Юрьевич Соколов.

Индивидуальную творческую манеру можно анализировать через выявление различных ее аспектов. Мы пользуемся концепцией проф. В.И. Карасика [Карасик, 2004] — волгоградского исследователя, создателя школы изучения языковой личности. В социолингвистическом исследовании языковой личности он предложил социально-речевую типологию носителей языка в современной России, самые яркие из которых — "Братан", "Новый русский" и "**Телевизионный ведущий**". Последний выступает как представитель языковой элиты, более того — как коммуникатор-профессионал, обладающий большим словарным запасом и способный излагать свои мысли не просто связно, но красиво. Он отличается высокой степенью интеллекта, образован, его речь безупречна: он свободно владеет иностранным языком, нормами этикета, склонен к тонкому юмору и иронии. Эти характеристики можно отнести к Максиму Соколову.

Стиль Максима Соколова определяли как "забавный", "вычурный", "витиеватый", "глумливый", "гаерский", "издевательский", тогда как он, наверное, предпочел бы именоваться "идейно крепким речекряком" [Проскурин, 2000, с. 296]. Нам же он представляется путником, что бродит по садам российской словесности[1], собирая богатый урожай литературных параллелей и примеров.

Цель нашего исследования заключается в анализе творчества журналиста-аналитика М. Соколова в широкой теоретической перспективе — **комплексной лингвоперсонологической методики**, в центре которой понятие "языковая личность", анализируемая через определенные показатели в текстах. К творчеству журналиста Максима Соколова мы обратились, поскольку в профессиональном сообществе именно он признается главным создателем стилистической манеры новой, постсоветской русской журналистики. Мы можем назвать его "демиургом языка", "мэтром речи" как выдающуюся личность, влияющую на стилистические вкусы аудитории и обогащающую выразительные ресурсы русского языка.

По нашим наблюдениям, языковая личность М. Соколова совмещает в себе социальные роли **гражданина, морального проповедника, беспристрастного исследователя** и роли "**мастера слова**" (полемиста, рассказчика-психолога). Роль гражданина позволяет ему обратить внимание общества на социальные проблемы, обличить темные стороны русской действительности, дать характеристику современного общественного уклада России. При этом М. Соколов-гражданин не только информирует слушателей о том или ином явлении действительности, но и оценивает ее (обычно это негативная, критичная оценка), а также воздействует на слушателей,

[1] "Прогулка по садам российской словесности" — загл. статьи Д.А. Писарева (1865).

стараясь пробудить в них гражданские чувства. Роль морального проповедника (надо сказать, что М. Соколов ею не злоупотребляет) помогает автору донести до аудитории свои нравственные воззрения, осуществлять моральное воспитание общества.

Для описания профессионального аспекта языковой личности мы предлагаем понятие **жанровой роли**. Понятие жанровой роли характеризует именно профессиональный аспект речепорождения, оставляя за скобками все остальные проявления языковой личности — бытовые, деловые, гендерные. Такое разделение ипостасей творческой личности представляется нам теоретически и практически полезным. Анализ разных типов текстов М. Соколова, размещенных в газете "Известия", журналах "Огонек", "Эксперт" и других, показал, что ведущей текстообразующей моделью является модель **иронического комментария.** Познавательная, риторическая и композиционная сила этой модели текста распространяется у Соколова на все жанры и форматы, в которых он пишет на протяжении уже более двадцати лет. Под это понятие подходят и тексты, в 90-х гг. публиковавшиеся под рубрикой "субботний фельетон", и сочинения в сетевом ресурсе GlobalRus и, конечно, сегодняшние политические обозрения выпусков "Известий". Поэтому мы считаем, что жанровую роль Максима Соколова уместно назвать **иронический комментатор**.

Публицистике Соколова свойствен пронзительный колорит **ироничности** по отношению не только к миру, идеям, власти, но и к себе. В последнем случае ирония двунаправленна: нередко журналист высмеивает, скажем, некое качество, присущее народу, причисляя к нему и себя. Объектом осмеяния, таким образом, становится и предмет беседы, и сам автор, а это настраивает читателей на доброжелательный лад и заставляет благосклонно отнестись к критике. Пр.: "Помянув черта (хотя бы и цитатным образом) и мысленно посулив его и еще различным другим культовым фигурам сходного согласу), **я затем устыдился своего брюзжания**" (Евростандарт // GlobalRus.ru. 2002. 5 марта).

Ироничность в большинстве текстов появляется оттого, что автор и герой, о котором он пишет, придерживаются разной системы ценностей. См. у М. Соколова: "Так философ А.Г. Дугин маразмом маразм попрал и академикам-материалистам спасительную веру даровал" (3.08—09.08 // Известия. 2007. 10 авг.).

Творчество М. Соколова описывается филологом О. Проскуриным с помощью термина **ирои-комический модус.** Для него характерно **цитатное письмо** — текстообразующий и стилистический прием, который помогает Максиму Соколову с опорой на известные факты и тенденции **доводить чужие идеи до абсурда.** Например, упоминание Закона о государственном языке РФ приводит

Соколова к неожиданному выводу о том, что “диплом кандидата филологических наук станет хлебной карточкой высшей категории — что-то вроде Visa Platinum, и лингвистическая наука процветет, — все благодаря неустанным стараниям Государственной Думы” (Субботнее обозрение // Известия. 2003. 8 февр.).

Для “гуманитария”, которым является Соколов, характерна **языковая игра**, другими словами, **рефлексия над словом**, намеренное его искажение, словесные каламбуры, обыгрывание его звукового состава, внутренней формы, связей с другими словами и т.п. Яркий пример порой хлесткой игры “путем созвучия”*:* «Впрочем, упражнения в диалектике полезны для честолюбивой политизированной молодежи, и на следующем мероприятии “Местных” тов. Казаков может задать публике еще более хитрый вопрос: “Кем лучше быть — **кремлядью** или **стерлядью**?”» (18.05—24.05 // Известия. 2007. 25 мая).

Успешно Соколов осваивает и прием **остранения** (в самом широком смысле остранение — это любое отступление от нормы). Характерными признаками остранения являются затрудненная форма и замедленное восприятие сообщения. Диалог с читателем устанавливается через хаос, алогичное отражение мира. Стереотипы восприятия снимаются, происходит десакрализация официальной версии реального и возникает индивидуальная, бытовая. Пр.: “Ельцин отдал всего себя созданию великого государства, зовущегося Россией. **Давным-давно исчезнувшее с глобуса**, **оно вновь появилось на нем** благодаря нему” (Сбереженная Россия // Огонек. 2000. № 1). Остранение в медиатексте создается и **гиперболизацией** реального. Гиперреальность — это по сути псевдореальность. Здесь она создается преувеличенной оценкой явно абсурдного тезиса.

Что касается **лексики**, то автор смело вводит в текст, казалось бы, совершенно несовместимые элементы. В одном и том же предложении общественно-политического материала у Соколова могут соседствовать архаизмы и жаргонизмы, книжные слова и научная лексика, присутствовать выражения из речей советской номенклатуры и просторечные формы. Все это отображает единство исторического опыта автора и читателей, иронически переосмысливает его и создает стилистическую специфику соколовского текста. Пр.: “Вперив **очи** в монитор своего таинственного **ноутбука**, Анатолий Борисович изучал **косинус фи**, **капитализацию** РАО и единство демократических сил” (Пока мы едины, мы непобедимы. Святочный рассказ // Известия. 2003. 11 янв.). В тексте по авторской воле устаревшие “очи” соседствуют рядом с понятиями современной лексики; смешение стилей в пределах одной синтаксической единицы не только привлекает читательское внимание, но и выдает позицию журналиста.

Кроме того, одной из примет фирменного стиля Соколова является употребление **иностранных заимствований**, в том числе пока незнакомых российской аудитории: “Согласно немецким верованиям, Zwoelften, т.е. святки, двенадцать дней между Рождеством и Крещением — это период, когда разнуздывается бешено мчащееся по дорогам и полям дикое воинство, предводительствуемое Frau Perchte, демоническим существом женской природы” (Вместе с Аллой Борисовной! //GlobalRus.ru. 2004. 12 янв.).

А синтаксис текстов журналиста преимущественно книжный, демонстрирующий склонность к **антипарцелляции**, то есть к объединению нескольких предложений в одно. Автор предпочитает сложные сочиненно-подчиненные конструкции, распространенные предложения. См. пр.: “Довольно сдержанное (чтобы не сказать — негативное) отношение многих консерваторов к современной западной демократии объясняется не столько тем, что она является пагубным никонианским новшеством, бесчинно заменившим более традиционные и почтенные институты, сколько тем, что она на глазах пожирает и самое себя, и общественную ткань в целом, а потому не может считаться охранительным институтом” (Спаси и сохрани // Эксперт. 2002. № 28).

Журналист часто прибегает к помощи перифраза — тропа, описательно выражающего одно понятие с помощью нескольких (происходит замена однословного наименования предмета или действия описательным многословным выражением) для усиления изобразительности и выразительности, а также предотвращения неоправданной тавтологии. Так, у М. Соколова: «В ответ на непочтительные отзывы лидера о “Другой России” и на нежелание Г.А. Явлинского сливаться в радости одной с непримиримой оппозицией он **был подвергнут ужасным проклятиям** (вместо “его прокляли”), как если бы неуступчивость Г.А. Явлинского была чрезвычайным сюрпризом» (15.06—21.06 // Известия. 2007. 22 июня).

Однако в ряде случаев М. Соколов намеренно **имитирует разговорные лексику и синтаксис**, чтобы создавалось впечатление диалога, задушевной беседы, как будто два добрых приятеля обсуждают на кухне важнейшие политические вопросы — так автор добивается нужной экспрессивности, оценочности. Например: “Когда тянуть было уже невозможно, я поехал в деревню с коробкой из-под ксерокса, по приезде хорошо выпил и закусил, а утром с похмелья, проклиная все на свете, **потащился** на второй этаж, где до полуночи, **как бобик**, **экспертировал**” (Моя борьба // Огонек. 2002. № 6), где **потащился** — слово разговорное**, а экспертировал** — окказиональный глагол книжного типа.

Важным аналитическим понятием для анализа индивидуального творчества является “картина мира”, как о том на материале публицистики писал Г.Я. Солганик. Мы знаем, что традиционной рус-

ской картине мира присуще соборное мышление, державность, в ней государство важнее, чем человек. Действительно, в своем творчестве публицист руководствуется государственническими ценностями. Так, у М. Соколова: «Разрушалось государство в своем базовом, первичном назначении — быть удерживающей силой, государство, о котором сказано "**нет власти, аще не от Бога**"» (Разгосударствление войны // Известия. 2001. № 173). Постулируется негативное отношение к тем, кто смеет расшатывать государственные устои. В русском сознании утверждается христианский закон — добро от Бога (в том числе и верховная власть), зло от Дьявола, поэтому авторскую мысль здесь удачно дополняют слова апостола Павла (Послание Римлянам 13:1).

Отбирая события для разговора в публикации, М. Соколов понимает, что все происходящее находится в универсальной связи с миром в целом. Он идет по следам актуальных и наиболее нелепых или вредных действий различных деятелей и учреждений, принимающих решения на государственном уровне. Моделируя собственную публицистическую картину мира, М. Соколов выбирает предметом своего внимания также и высказывания видных политиков и чиновников, способные вызвать определенный общественный резонанс. Часто колумнист цитирует их дословно: «С.П. Мавроди отозвался на пожелание В.В. Путина и А.Л. Кудрина сделать Россию мировым финансовым центром и предложил свои услуги: "Дайте мне всего лишь $10 млн и предоставьте полную свободу действий, и я за три месяца свяжу денежную массу страны, остановлю инфляцию и сделаю российскую "валюту" действительно валютой..."» (20.02—26.02 // Известия. 2009. 27 февр.). Как правило, цитата открывает истинный смысл намерений и обнажает реальную характеристику говорящего.

В картине мира журналиста *россияне* чаще всего *добродушные*, *олигархи премудроискусные*, сотрудники спецслужб именуются *чекистами*, милиционеры предстают *жандармами*. Выборы или чье-то должностное назначение публицист нередко называет *дивотворными*. Так Соколов подчеркивает непрерывную связь времен, что тянется от царской России к России сегодняшней, намекая, что, по сути, в стране мало что меняется. "Русскость" языковой личности Максима Соколова проявляется и в том, что он использует в своих текстах пословицы и поговорки, которые ярко и образно выражают отношение русского народа к разным жизненным обстоятельствам, к другим людям, убедительно оценивают их действия, поведение и т.п. См. у М. Соколова: «Можно даже обойтись и без немецкого, поскольку в русском есть сходный афоризм насчет открытия имени преемника, причем использующий сходные образы из животного мира — "**Свинья скажет борову, а боров всему городу**"» (06.07—12.07 // Известия. 2007. 13 июля)**.**

Неотъемлемое свойство развитой языковой личности, по Ю.Н. Караулову, — любовь к своему языку. Выпускник русского отделения филфака МГУ, Максим Соколов известен своей любовью к русскому языку и культуре. Это ярко проявляется в том предпочтении, которое он оказывает культурно-лингвистическому явлению **прецедентности**, что позволяет ему отыскивать редкие тексты и знакомить с ними читателей со страниц "Известий" и других СМИ.

Максим Соколов — специалист по русскому фольклору и русской литературе XVIII—XIX вв. Языковая личность журналиста характеризуется обширным рядом различных **коммуникативных стратегий и тактик.** В его текстах современные события, ситуации и люди осмысляются посредством коммуникативной стратегии **аналогия** через самые разнообразные прецедентные феномены — исторические события и реальные личности, законы природы и юриспруденции, произведения искусства и анекдоты. Например, таким образом: «В рекламном ролике нового фонда сжившийся с ролью **Бендера** владелец ресторана "Золотой Остап" артист Гомиашвили будет с чувством обращаться к телезрителям: "Храни вас Господь!"» (Субботнее обозрение // Русский телеграф. 1998.16 мая). Чаще всего журналист апеллирует к Священному Писанию, отечественной классике (Л.Н. Толстой, А.С. Пушкин, Н.С. Лесков и др.). Даже когда он обращается к чисто историческим аналогиям, они пропускаются сквозь призму литературности.

Также одна из излюбленных у М. Соколова как публициста — социального критика — стратегия **дискредитации.** Ее цель — развенчание "дутого имиджа" политика, а средства — создание ассоциаций, сравнений, ярких оценочных характеристик. Наиболее традиционным средством реализации этой задачи является использование метафор, в том числе **развернутых метафорических образов**. Основной смысл текста у Максима Соколова концентрируется в метафоре, нередко становящейся символом. Среди них немало индивидуальных авторских, таких, как: *взяткоемкость* (характеристика, отражающая потенциальный или существующий уровень взяточничества), *яблочник* (член партии "Яблоко" либо представитель фракции "Яблоко" в Государственной думе Федерального собрания РФ), европейские *общечеловеки* (представители стран Евросоюза, вмешивающиеся во внутреннюю политику России), *страсбургский чеченолог* (лорд Джадд — председатель ПАСЕ по Чеченской республике), *либеральное размягчение мозга* (чрезмерный гуманизм, ведущий к печальным последствиям), *избиратель-схимник* (электорат в период ограничения на политагитацию накануне выборов).

Основной прием, обеспечивающий успех стратегии дискредитации, — это прием "навешивания ярлыков" — именований, не соответствующих статусу их объектов. Например: "...россияне

смогут пережить этот трудный период, следуя гастрономическим рекомендациям **санитара** Г.Г. Онищенко. Санитар советует соотечественникам питаться просто, в скромной доле потребляя хлеб из муки грубого помола, каши из цельных зерен и картофель в мундирах" (20.02—26. 02 // Известия. 2009. 27 февр.).

Своим творчеством на основе прецедентных текстов Соколов предложил аудитории новый стиль потребления информации: теперь человек призван не пассивно поглощать сведения, а самостоятельно искать их. На первом месте — индивидуальная активность. Медиатекст, шлифуя возможности языковой игры, старается приучить читателя к "потреблению" сообщения, пронизанного игровыми знаками. Постоянный читатель Соколова сам находит информацию для сравнения в других источниках, фондах библиотек или Интернете, в своем же образовании и личной ментальности. М. Соколов с одинаковым успехом цитирует как российские, так и западные источники. Однако постоянные читатели М. Соколова замечают в его публикациях ряд фиксированных образов, пребывающих в текстах на протяжении длительного времени и перетекающих на страницы различных СМИ, где публикуется журналист. Постепенно эти образы и ситуации приобретают характер дисфункциональных, "заезженных" экспрессем. Так, не оправдавших доверие избирателей депутатов, а также прочих "врагов" чаще всего "злым ветром надувает". Обличение, реплика, ругань и многие другие понятия нередко получают эпитет "дежурные" (см. *дежурное обличение, дежурная реплика, дежурная ругань*). Понятие "оптимизм" фигурирует во многих конструкциях, например *благодушный оптимизм, еврооптимизм, безоглядно оптимистическое представление* и др. Революцию М.Соколов предпочитает называть *обвалом русской истории*, лето 1914-го — *коллективным самоубийством всей старой Европы.*

Когда читаешь М. Соколова, начинаешь чувствовать настроение, которым пронизан Экклезиаст: "И это было, и это тоже было", — другими словами, все, что когда-либо случалось, уже имело место быть прежде. В те времена некие события привели к серьезным последствиям, а сегодня этот автор с загадочной усмешкой следит за событиями в современной России, излагая свои мысли в текстах, наполненных бесчисленными аллюзиями и ретроспекциями.

Список литературы

Караулов Ю.Н. Русский язык и языковая личность. М., 1987.

Карасик В.И. Языковой круг: личность, концепты, дискурс. М.: Гнозис, 2004.

Проскурин О. Максим Соколов: генезис и функции "забавного слога" // Новое литературное обозрение. М., 2000.

Поступила в редакцию
20.10.2009